УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубина, Дина.

Р 82 На исходе августа : рассказы / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2014. – 336 с. – (Дина Рубина. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-74931-7

«Солнце склонялось к вечеру, когда он вышел из дома с мольбертом и ушел в поля. Там, прислонив мольберт к стогу сена, достал револьвер и выстрелил себе в сердце. Однако рука, всегда послушная глазу, когда держала кисть, на сей раз подвела: пуля попала в диафрагму.

Доктор Гаше, которого вызвали к постели умирающего художника, немедленно послал записку его брату, и, когда тот ворвался в душную комнатку и бросился к кровати, Винсент сказал ему виновато: «Опять промахнулся».

Брат зарыдал.

– Не плачь, – устало проговорил художник. – Тоска все равно остается».

Д. Рубина

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-74931-7

© Д. Рубина, 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Время соловья

(вроде предисловия)

Название улицы, на которой стоит наш дом, в переводе с иврита звучит возвышенно и даже претенциозно: «Время соловья». Но это вполне определенный соловей — муэдзин мечети соседней, через ущелье, арабской деревни Аль Азария, где когда-то Иисус воскрешал безнадежно умершего Лазаря...

Ежедневно, часа в четыре утра, гнусавым рыком через громкоговоритель, установленный на куполе минарета, он окликает правоверных.

Когда замирает его грозный речитатив, со стороны бедуинского становища доносится довольно слаженный хор голосов проснувшихся ослов, собак, петухов и овец. Когда и эти голоса тонут в облачке отдаленного шума дороги, внизу, в тишине над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина...

Чуть позже, с околицы нашей, катящейся к лесу, улицы, мягким кошачьим шагом поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки бесшумны, и сам он гибок и

проворен как ящерица. Возможно, у него есть веские причины обходить блокпост на въезде в город, где под большим щитом «Наш город благословляет каждого, кто во вратах его!» на пластиковых стульях сидят трое подобных ему парнишек, только в форме солдат израильской армии, жуют сэндвичи и пьют утренний кофе, наливая его из термоса в одноразовые стаканы. Вот они-то и благословляют каждого, кто во вратах, рассеянно при этом проверяя.

Так же, как охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в городской «каньон» — огромный торговый центр. Ощупывая сумки не лишенным эротики, взвешивающим движением ладони, словно благословляющим урожай изобильной груди, он дежурно спрашивает: — Пистолет есть?

И когда вы так же дежурно отвечаете: — Нет, — наклоняется и заговорщически произносит: — Так купи два!

Улыбчивый мир нашего городка я постигаю в утренних прогулках с моим псом Кондратом.

Пять тридцать утра... Молочная нега жемчужных далей обволакивает окрестные холмы с прозрачными рощицами на загривках.

Воздух еще продут ветерком и со дна ущелья воскуряет ароматы шалфея, тысячелистника, лаванды, олив на склонах, и чуть саднящую нёбо гарь очередного пожарища очередной арабской свалки на соседней горе.

Умолк тягучий стон муэдзина, пропели петухи и откричал осел.

Павлин своим предобморочным криком испугал почтальона, фасующего по ящикам рекламки, коммунальные счета и уведомления об уплате штрафов.

Это наше время.

Уже дают восход солнца. Билеты у нас — в первом ряду партера. У нас и у пастушьих бедуинских собак, забредающих полакомиться забытым куском сэндвича на скамейке.

За частоколом бочонков солнечных бойлеров и остроконечных туй, за карминной коростой черепицы, за псевдоримской аркадой «каньона», из Соленого, невидимого с нашей горы, моря возникает — прорезается — огненная лысина солнца. И неправдоподобно, мгновенно (в акушерстве это, кажется, называется «стремительные роды») оно впрыгивает на небосклон — оп-ля! — с ловкостью карточного шулера меняя цвет с пунцового на оранжевый. И, притормозив для приличия над «каньоном», с медленной истомой начинает раскочегаривать свое людоедское брюхо.

Мы поднимаемся по нашей улице к маленькой частной синагоге «Шатер Габриэля и Рафаэля» с узкими, как закладки, высокими венецианскими окнами и еще запертыми дверями, огибаем зеленую лужайку и трусим по

заветным местам, дабы отметить членство в открытом Собачьем клубе, принимающим любого в свои демократические ряды.

Маршрутов у нас немало — три или четыре. Собственно, маршрут у нас один, потому что улицы на этой горе закольцованы и наброшены на нее, как обручи на бочку, дома поднимаются террасами, и куда не пойдешь, выйдешь все туда же, только с разных сторон.

От синагоги можно взять правее — дорожка пойдет над обрывом, огражденным невысоким забором; внизу будут реветь грузовики, вжикать легковушки и мотоциклы, по ту сторону ущелья громоздятся, поставленные торопливо впрок, дома наших арабских соседей, с черными провалами зияющих на многие годы окон. Вниз по склону той же горы древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки бедуинского стана.

Слева тянется полукруг домов улицы «Райские плоды», террасами двориков вгрызающейся в гору.

Один из них в нашей семье носит название «Дом Голого». Мы так и говорим: — Да это же недалеко, возле Дома Голого... или: — Давай срежем угол, мимо Дома Голого.

История этого топографического названия незамысловата: в один из жарких дней мы с Кондратом трусили себе рассветной улицей, думая каждый о своем. Вдруг в одном из окон взлетели с подвизгиванием автоматические жалюзи. Я обернулась. За стеклом большого, от пола до потолка, окна стоял обнаженный юноша. Сильно потягиваясь, он широко и сладко зевал, глядя вдаль,

на Иерусалим. Затем перевел рассеянный взгляд вниз, на улицу, увидел нас с Кондратом и приветливо помахал рукой.

Помнится, в тот момент я живо представила, как бы в этой ситуации поступила средняя американка из городка на Среднем Западе: она бы выколотила из голых чресл своего соседа миллиона полтора долларов.

Но у нас здесь не Средний Запад. Возможно, этот парень — солдат, вернулся домой на субботу, накануне вволю нагулялся в городе, свалился спать под утро, а сейчас вскочил и сразу распахнул окно, не задумываясь о своем неофициальном виде.

Вы догадываетесь, что я сделала? Конечно, я помахала ему в ответ. И мы потрусили дальше, привычно завернув на улицу «Багряная нить».

(Кому-то может показаться, что я выдумываю названия улиц или приукрашиваю существующие. Ничуть не бывало! Да и странно было бы предположить, что народ, сызмальства вскормленный поэтикой библейских текстов, может согласиться на какой-нибудь «Комсомольский тупик» или «Большевистский проезд». Поэтому прогулка по улицам нашего городка доставляет мне еще и медленное филологическое удовольствие: «Очи, возведенные к небесам»! «Яхонтовая площадь»! «Виноградная лоза»! «Дорога в Иудейской пустыне»!.. Целая россыпь «звучащих» улиц: «Арфа», «Скрипка», «Флейта», «Поющий рожок»!.. Не говоря уже о том, что главное шоссе, пересекающее весь город, называется «Дорога к Храмовой

горе» и, что действительно интересно, — приведет-таки вас, куда обещает!)

В этот соловьиный рассветный час по пути нам — по двое, по трое, — встречаются бедуинки, бодро обходящие мусорные баки в поисках утиля. Как старательницы, критически разглядывая содержимое баков, они ворочают внутри палкой, почему-то отбрасывая одно тряпье и складывая другое аккуратной горкой на асфальте. Затем присаживаются на скамейки, достают термос с кофе, булки, намазанные хумусом, и горячо, деловито что-то обсуждают, жестикулируя и позвякивая многочисленными браслетами на руках...

Говорят, бедуинские женщины — такой обычай — все свое золото носят на себе: если муж уличает жену в измене, он выгоняет ее из дому, и она не имеет права взять с собой ничего, кроме того, что на ней надето.

Однажды на детской площадке возле дома я увидела старуху бедуинку, поджидающую кого-то из своих со старательской добычей. Она сидела на детских качелях, задумчиво раскачиваясь, отводя в сторону тощую, по локоть унизанную тусклым дутым золотом руку с дымящейся сигаретой, то вытягивая под прямым углом ноги в голубых шальварах, то по-девчоночьи их поджимая...

В нашей армии бедуины служат следопытами. Дети пустынных холмов, только они способны по брошенному окурку определить — сколько тот провалялся на земле,

что за человек выкурил эту сигарету и в какую сторону направился после того, как бросил окурок. Они убеждены в том, что бедуины-то и есть хозяева этой земли. «Ишмаэль уйдет... — говорят они, — Исраэль уйдет... А мы останемся...» Пока же израильская армия то и дело подбрасывает им списанные армейские палатки. В домах эти хозяева земли не живут, им сподручней в лачуге, слепленной из жестяных, неизвестно где добытых листов, из коробок, из дощатых ящиков. Впрочем, нередко в глубине штопаной армейской палатки, поставленной на краю огромного загона, мерцает голубым экраном телевизор, а у входа стоит новенький «вольво».

Словом, бедуины загадочны, в отличие от арабов, которые — понятны.

С восходом солнца бедуины исчезают из городка.

Дважды в неделю на углу улицы «Дочь Надива» мы сталкиваемся с процессией: старый араб в резиновых сапогах бодрой походкой косца (только на плече у него не коса, а швабра с болтающимся на ней ведром), гонит перед собой четверых мальчиков от шести до десяти лет. Это бригада уборщиков нашей улицы — «Ибрагим и сыновья». И пока расторопные маленькие рабы драят парадные и поливают дворики, Ибрагим сидит на корточках под стеной, курит и поглядывает вокруг хозяйским глазом: наши соседи уверены, что настанет день, и эти улицы перейдут в их пользование. Пока же можно получать настоящие деньги за глупое, придуманное евреями занятие — подметание улиц, — можно сидеть, курить, извлекая из этой жизни свой медленный кайф.

С Ибрагимом я иногда перекидываюсь двумя-тремя словами на иврите, которым он владеет, вернее, не владеет, примерно в той же степени, что и я.

— Вот думаю... — сказал он однажды. — Машину купить... или жену купить?

— Зачем тебе еще одна жена?

— Старая рожать перестала...

— А сколько у тебя детей, Ибрагим? — полюбопытствовала я.

— Семнадцать...

— Семнадцать... и тебе мало?!

Он помолчал, дотошно докурил до корешка сигарету, отшвырнул ее, сказал:

— Женщина должна приносить детей...

Но мы отвлеклись... Дальше, дальше! Вот на повороте к улице «Берега ручья» открывается магазин «Дешевейшие трое», сокращенно — «Дешевка».

Это очень дорогой магазин. В него допустимо сбегать, если вдруг перед субботой ты хватишься лука или моркови, а в «каньоне» в эти часы, как известно, столпотворение. В «каньон» и зайдешь-то не сразу. Необходимо набраться терпения, пригласительно раззявить сумку:

— Пистолет есть?

— Нет!

— Так купи себе два!

У раскрытых дверей «Дешевки» двое арабских рабочих разгружают сразу два минибуса: с молочными продуктами и булочными изделиями. Мы их гордо минуем, задерживаемся на верхней лужайке, играющей в нашем Собачьем клубе роль форума, где каждый может оставить свое мнение, и двигаемся наискосок дальше, где непременно путь нам перебегает одна знакомая личность. Мой пес, презирающий кошек, при виде этой странной длинноухой и безхвостой особи останавливается, оглядывается и недоуменно на меня смотрит. «Тот еще типчик!» — говорит его брезгливая физиономия. Типчик действительно тот еще: робкий и наглый одновременно, этот Кролик — впечатление такое — живет сразу на обоих участках, разделенных кирпичной дорожкой. И, кажется, этим кичится. Он поджидает нас по утрам, а, завидев, перебегает улицу перед нашими носами то справа налево, то слева направо, при этом по-хозяйски потрюхивая толстой задницей.

Наверху, на крутом гребне улицы, мы всегда ждем одной и той же сценки.

Меняется в ней только вид транспорта. Иногда это мотороллер, бывает, велосипед, раза два прямо на нас выезжала доверху груженная детская коляска. Но чаще это белый обшарпанный «вэн».

Вот он возникает на повороте, резко тормозит, из него выскакивает девочка-мальчик лет семнадцати, в повязанной на манер пиратов — закрывающей лоб, — ко-

сынке, в коротких, ниже колен, штанах, в огромной майке, в теннисных тапочках. В руках у нее два небольших снаряда: плотно упакованные номера пятничной газеты «Маарив». Подбежав к палисаднику, она швыряет через забор один снаряд, затем, совершив полукруг метальщицы копья, пружиня на одной ноге и поджав другую, сильным посылом вбрасывает другой пакет на балкон второго этажа и, не останавливаясь ни на мгновение, отскакав по инерции два-три шага назад на одной ноге, бегом возвращается в машину, рвет с места и мчит по улице вниз...

И, наконец, мы спускаемся к парку, над которым полукругом возносятся дома с остроконечными крышами, снизу похожие на неприступные стены цитадели. Вот оттуда, с пологого склона горы, и слетает на черепицу нижней улицы потрясенный, страстный, ошалелый вопль павлина. Вопль ужаса потерявшей кошелек провинциальной дуры.

Небольшой участок каменистого склона один из жильцов превратил в маленький домашний зверинец. Высадил на нем апельсиновые и гранатовые деревца, кусты олеандров и бугенвиллий и заселил разнообразной домашней живностью: утками, курами, индюками. Кажется, у него и овца там есть, а возможно, и коза — снизу не видно. Но если удачно выбрать место обзора на зеленом косогоре и постоять там, заслоняя ладонью глаза от молочного утреннего солнца, можно увидеть павлина на фоне стены из иерусалимского камня. А если совсем пове-

зет, можно застать момент горделивого представления, когда он разворачивает персидское опахало своего хвоста. Развернув его и постояв в оцепенении минуты две, как бы давая зрителям время упасть в обморок и благодарно прийти в себя, он приступает к спецэффектам: несколько раз, сильно встряхивая, прогоняет крупные волны света по радужным окам каждого пера, протрясает его, как хозяйка шаль, медленно поворачивает иссине-зеленый сосуд тела с тонким горлышком и изящной, украшенной короной, головкой, подставляя свое богатство лучам, после чего приспускает флаг, давая понять, как утомительно владение этим райским садом с восточных миниатюр.

Однажды я наблюдала, как он погнался за курицей — так хозяин лавки с проклятьями несется по торговым рядам вдогонку беспризорнику, стянувшему у него из-под носа орех или пряник. Хвост был развернут, как хоругвь, и все глазки на нем переблескивали фиолетово-синим, иззелене-желтым, пунцово-черным огнем...

По весне городок проходит все стадии театрального преображения. Первыми вступают средиземноморские акации, цветущие нежным, каким-то милосердно-сиреневым цветом. Целые улицы засажены у нас этими деревьями; на исходе апреля и весь май они сбрасывают цветы, как перья, по городу разносится сиреневая вьюга на хвосте весеннего ветра, и сиреневый мусор скап-

ливается в углах дворов и подворотен — в нашем раю вообще довольно мусорно...

В мае же просыпаются розовые и белые олеандры, медленно приоткрывающие цветки, обрамляющие — над заборами — огромные изысканные кактусы, слепленные из больших колючих оладий.

Особый выход у бугенвиллий.

Нигде не встречала я такого разнообразия оттенков цветов бугенвиллий, как здесь. В Италии и Испании видела только чернильно-лиловые. Наши чародеи-садовники вытворяют с бугенвиллией черт-те что! Алые, розовые, белые, палевые, бордовые и — особый изыск — декадентского солнечного цвета «само» кусты переплетаются с простонародно вишневыми в тесном надзаборном объятии, пышной цветной пеной выкипают из дворов на улицы, сбегают вниз по желтым и розовым стенам иерусалимского камня.

В середине же мая коротко вспыхивает пунцовыми пальчиками, растущими как бы из одной ладони, хрупкое экзотическое дерево на верхней лужайке. Недели две оно растерянно красуется перед грузчиками, затаскивающими в «Дешевку» картонные коробки с бутылками «колы» и «пепси», и напоминает диковинную японскую принцессу на улице деревни Иваньково, густо застланной подсолнечной лузгой.

Кстати, подсолнухи у нас тоже растут.

Подобно вездесущим журналистам на кинофестивалях, наш весенний фестиваль сопровождают и коммен-

тируют независимые господа удоды, в черно-белых полосатых сюртуках, — гребенка на высокомерной голове в сочетании с длинным прямым клювом напоминают штопор. Прилетают они поодиночке, но однажды мы застали на лужайке трех таких оживленно беседующих господ. «Смотри, пресс-конференция...» — сказала я псу...

...Ну-с, а между тем солнце теряет невинность младенца, быстро взрослеет и матереет, и сатанеет с каждой минутой, зудит и жалит, и к концу прогулки мы уже плетемся, выбирая теневую сторону, мимо синагоги «Шатер Габриэля и Рафаэля», мимо ее, насквозь прорезанной светом, прохладной утробы, где качаются спины молящихся в графически белых, с черными полосами, талесах...

Затем до вечера опускается занавес... вернее, падают жалюзи на окнах.

Это — Время Солнца...

...Давно выпит кофе, и идет работа, «ноутбук» ворчит, подзаряжаясь...

В полдень со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие колокольные волны, словно бьет корабельный колокол под водой, — христианская сестра здесь младшая, она тиха и затаенна...

Мой пес мохнатым ковриком валяется под письменным столом, изнемогая от жары... Жара, жара, жара... И

это конец мая! А что ждать в июле?! Что будет с нами в августе, о Боже, что будет с нами в августе?!

Когда замирает колокол Елеонского монастыря, сверху улицы доносятся урчание старой колымаги и высокий полустон-полупение, дрожащее в мареве жары:

— А-а-аль-те-захи-и-ин!!! — интонационно это напоминает песни из индийских кинофильмов, только жалобней, жалобней и выше, звук вьется серпантином и обессиливает на вершине стона:

— А-а-аль-те-за-хи-и-ин!!!

Это «Алтэзахен» — попросту старьевщик-араб. Вообще-то «Алтэ захен» в переводе с идиша означает «старые вещи». Когда-то, лет восемьдесят-пятьдесят назад, вот так по улицам разгуливали еврейские старьевщики, охотники за барахлом, подержанными вещами, старой обувью... Сейчас эта прибыльная профессия перешла в руки арабов, вместе с привычным воплем, перелицованным, как старье, на арабский лад.

Минуту спустя вопль приближается, вот шаркают подошвы по тротуару, наконец серенада оглушает нас непосредственно снизу, прямо из-под нашего окна. Но нас не обманешь, нет. Нас уже не трогают фальшивые жалобы мнимого бедняка, владеющего процветающим бизнесом.

— А-а-аль-те-за-хи-и-ин!!!

Нет, проверено: не хочет он ни старой одежды, ни старой обуви, ни старой табуретки. Это модернизированный старьевщик.